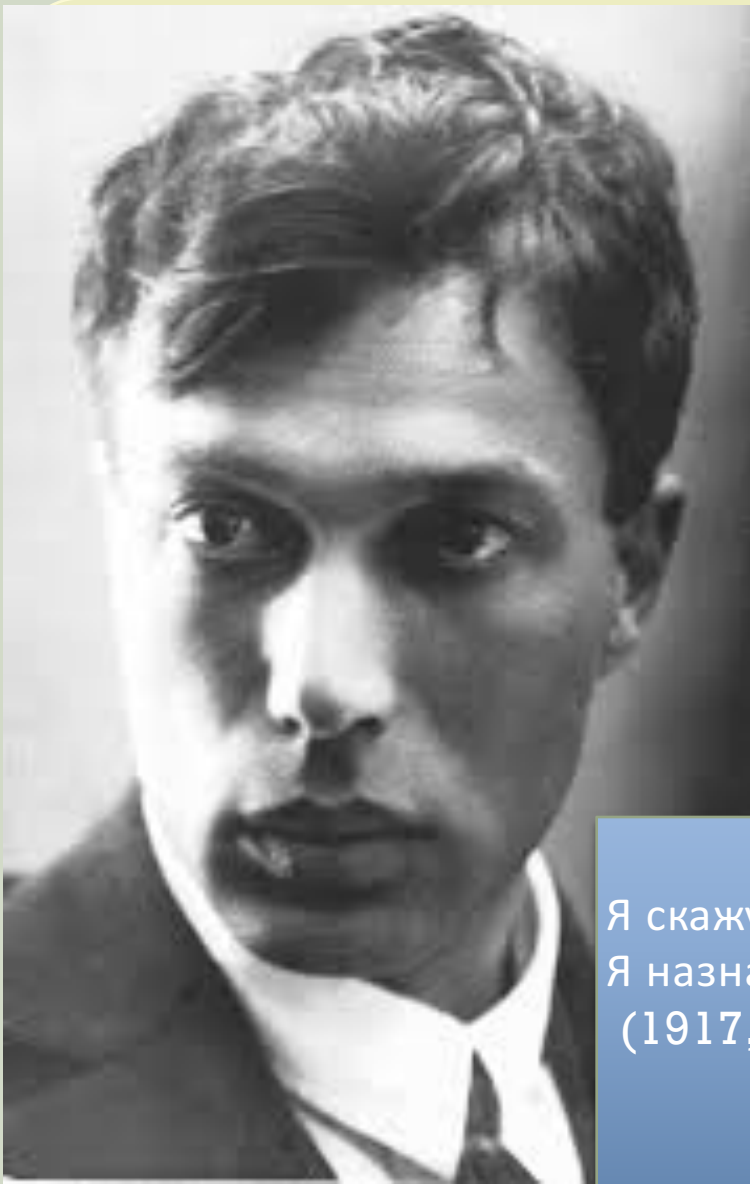

Борис Леонидович Пастернак (1890-1960)

Я скажу до свиданья стихам, моя мания,
Я назначил вам встречу со мною в романе
(1917, исключил из книги «Сестра моя - жизнь»)

Вместо эпиграфа

Сам текст «Живаго» после Бунина и Набокова казался какой-то расползшейся словесной тушей, но стихи из романа я знал наизусть. Они меня спасали.

Чаще в переносном смысле, но иногда в прямом. (М. Шишкин, « Гул затих» 2016)

Зимняя ночь

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

● Лара Гишар

Они любили друг друга не из неизбежности, не «опаленные страстью», как это ложно изображают. Они любили друг друга потому, что так хотели все кругом: земля под ними, небо над их головами, облака и деревья.

Их любовь нравилась окружающим еще, может быть, больше, чем им самим. Незнакомым на улице, выстраивающимся на прогулке далям, комнатам, в которых они селились и встречались.

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.
Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.
Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.
Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Подводное течение и лепестки на воде

«Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звёзды... Из-за них существует стихотворение.»

Александр Блок

- – Основная поэтическая тема, вопросы (течение)
- - Развитие поэтического настроение, сюжета через «слова-острия»
 - Построчное движение
 - - Образ-переживание.
- Один, повторяющийся, или несколько.
 - - Идейный смысл. В поисках Ответов

- Материальная выразительность.
Динамический акмеизм.

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.
Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.
Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.
Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Анна Ахматова. Поэт

*...За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф,
Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.*

Единственные дни

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет
И солнце греется на льдине.
И любящие, как во сне,

Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день
И не кончается объятье.

1959

«Он еще с гимназических лет мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать. Но для такой книги он был еще слишком молод, и вот он отделялся вместо нее писанием стихов, как писал бы живописец всю жизнь этюды к большой задуманной картине»

1918 Поэзия и проза. «Спекторский»

1945 Вяч. Иванову «Желание договаривать все до конца»

1946 «Гамлет» Перевод. «Гамлет отказывается от себя, чтобы творить волю пославшего его» «Гамлет - драма высокого жребия, заповеданного подвига, вверенного предназначения»

«Смерти не будет ... ибо прежнее прошло» Откровение Иоанна Богослова

1947 «Пишу прозу о человеке, который составляет некую равнодействующую между Блоком и мной (и Маяковским, и Есениным) Он умрет в 1929 году. От него останется книга стихов... Время, обнимаемое романом, 1903-1945»

Врач по профессии, но с очень сильным вторым творческим планом, как у врача А.П. Чехова»

1949 Перевод «Фауста» «Опыт русского Фауста»

1953 «Надо умереть самим собой, а не напоминанием о себе... Надо кончить роман...»

1956 Фельетринелли. (1957) Федин «Новый мир» Отказ. 1958 Голландия на русском языке

1988 «Новый мир» (1-4 номер)

Роман «Доктор Живаго» 1945-1955

«Роман в прозе», «моя эпопея»
« Мальчики и девочки», « Опыт русского Фауста»,
« Свеча горела», « Смерти не будет»

1955 год Об окончании романа Пастернак сообщил писателю В.Шаламову словами пушкинского Пимена: «Я окончил роман, исполнил долг, завещанный от Бога»

<https://www.youtube.com/watch?v=EDhDMMB2tu4>

Нобелевская премия

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора -
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.
1959 год

Часть первая
ПЯТИЧАСОВОЙ СКОРЫЙ

1

Шли и шли и пели "Вечную память", и когда останавливались, казалось, что ее по заложенному продолжают петь ноги, лошади, дуновения ветра.

Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились.

Любопытные входили в процессию, спрашивали: "Кого хоронят?" Им отвечали: "Живаго". "Вот оно что. Тогда понятно". — "Да не его. Ее". — "Все равно. Царствие небесное. Похороны богатые".

Замелькали последние минуты, считанные, бесповоротные.

"Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней". Священник крестящим движением бросил горсть земли на Марью Николаевну. Запели "Со духи праведных". Началась страшная гонка. Гроб закрыли, заколотили, стали опускать.

Отбарабанил дождь комьев, которыми торопливо в четыре лопаты забросали могилу. На ней вырос холмик. На него взошел десятилетний мальчик. Только в состоянии отупения и бесчувственности, обыкновенно наступающих к концу больших похорон, могло показаться, что мальчик хочет сказать слово на материнской могиле.

Он поднял голову и окинул с возвышения осенние пустыри и главы монастыря отсутствующим взором. Его курносое лицо исказилось. Шея его вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоет. Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал. Летевшее навстречу облако стало хлестать его по рукам и лицу мокрыми плетями холодного ливня.

К могиле прошел человек в черном, со сборками на узких облегающих рукавах. Это был брат покойной и дядя плакавшего мальчика, расстриженный по собственному прошению священник Николай Николаевич Веденяпин. Он подошел к мальчику и увел его с кладбища.

●Таня

— Попросилась: возьмите меня, дяденьки, на поезд. Взяли они меня на поезд, увезли. Я потом, не соврать, полземли чужой и нашей объездила с беспризорными, где только не была. Вот раздолье, вот счастье узнала я после горя моего детского! Но, правда, и беды всякой много и греха. Да ведь это все потом было, это я в другой раз расскажу. А тогда с поезда служащий железнодорожный в сторожку сошел, казенное имущество принять и об тете Марфуше сделать распоряжение, её жизнь устроить. Говорят, она потом в сумасшедшем доме в безумии померла. А другие говорили, поправилась, выходилась.

Долго после услышанного Гордон и Дудоров в безмолвии расхаживали по лужайке. Потом прибыл грузовик, неуклюже и громоздко завернул с дороги на поляну. На грузовик стали погружать ящики. Гордон сказал:

— Ты понял, кто это, эта бельевщица Таня?

Гордон

Так было уже несколько раз в истории. Задуманное идеально, возвышенно, — грубело, овеществлялось. Так Греция стала Римом, так русское просвещение стало русской революцией. Возьми ты это Блоковское «Мы, дети страшных лет России», и сразу увидишь различие эпох. Когда Блок говорил это, это надо было понимать в переносном смысле, фигурально. И дети были не дети, а сыны, детища, интеллигенция, и страхи были не страшны, а провиденциальны, апокалиптичны, а это разные вещи. А теперь все переносное стало буквальным, и дети — дети, и страхи страшны, вот в чем разница.

Прошло пять или десять лет, и однажды тихим летним вечером сидели они опять, Гордон и Дудоров, где-то высоко у раскрытого окна над необозримою вечернею Москвою. Они перелистывали составленную Евграфом тетрадь Юрьевых писаний, не раз ими читанную, половину которой они знали наизусть. Читавшие перекидывались замечаниями и предавались размышлениям. К середине чтения стемнело, им стало трудно разбирать печать, пришлось зажечь лампу.

Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победою, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание.

Состарившимся друзьям у окна казалось, что эта свобода души пришла, что именно в этот вечер будущее расположилось ощутимо внизу на улицах, что сами они вступили в это будущее и отныне в нем находятся. Счастливое, умиленное спокойствие за этот святой город и за всю землю, за доживших до этого вечера участников этой истории и их детей проникало их и охватывало неслышною музыкой счастья, разлившейся далеко кругом. И книжка в их руках как бы знала все это и давала их чувствам поддержку и подтверждение.

ЧАСТЬ семнадцатая. СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ ЖИВАГО

Стихи Юрия Живаго (17 глава)

1. Гамлет

2. Март

3. На Страстной

4. Белая ночь

5. Весенняя распутица

6. Объяснение

7. Лето в городе

8. Ветер

9. Хмель

10. Бабье лето

11. Свадьба

12. Осень

13. Сказка

14. Август

15. Зимняя ночь

16. Разлука

17. Свидание

18. Рождественская звезда

19. Рассвет

20. Чудо

21. Земля

22. Дурные дни

23. Магдалина

24. Магдалина

25. Гефсиманский сад

10-1946-1947

6-1949

9-1953

Основные пространства смысла?

Стихи Юрия Живаго. (Природа, любовь, страсти господни)

1. Гамлет

2. Март

3. На Страстной

4. Белая ночь

5. Весенняя распутица

6. Объяснение

7. Лето в городе

8. Ветер

9. Хмель

10. Бабье лето

11. Свадьба

12. Осень

13. Сказка

14. Август

15. Зимняя ночь

16. Разлука

17. Свидание

18. Рождественская звезда

19. Рассвет

20. Чудо

21. Земля

22. Дурные дни

23. Магдалина

24. Магдалина

25. Гефсиманский сад

« Гамлет... Это вы, это я, это каждый из нас...»

- Блок
 - Цветаева
 - Ахматова
 - Высоцкий...
-
- Гамлет Пастернака. Лик и лики героя

ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю Твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

<https://www.youtube.com/watch?v=Jy1NZw0JAqg>

ГАМЛЕТ

Вот я весь. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
То, что будет на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю Твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Это шум вдали идущих действий,
Я играю в них во всех пяти.
Я один. Все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

**Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.**

**А то кто снес бы униженья века,
Неправду угнетателей, вельмож
Заносчивость, отринутое чувство,
Нескорый суд и более всего
Насмешки недостойных над достойным,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала! Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!
Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика,
Так погибают замыслы с размахом,
В начале обещавшие успех,
От долгих отлагательств. Но довольно!
Офелия! О радость! Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.**

ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмости.

Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.

Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю Твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма,

И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить — не поле перейти.

После Первосвященнической молитвы Господь «вышел с учениками Своими за поток **Кедрон**, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его» (Ин. 18: 1). В **Гефсиманском саду** на склоне Елеонской горы, отделенной от Иерусалима узкой долиной с потоком Кедрон, Господь остановился в месте, где «часто собирался там с учениками Своими» (Ин. 18: 2). Туда немногим позже приведет воинов Иуда Искарот, прекрасно знавший, где Господь мог находиться. В ожидании прихода Иуды Христос, взяв с собой апостолов Петра, Иакова и Иоанна, удалился для молитвы. Эту молитву мы называем молением о Чаше: **«И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте. И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты. Возвращается и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. И, опять отойдя, молился, сказав то же слово. И, возвратившись, опять нашел их спящими, ибо глаза у них отяжелели, и они не знали, что Ему отвечать. И приходит в третий раз и говорит им: вы все еще спите и поживаете? Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот, приблизился предающий Меня»** (Мк. 14: 33–42).

Мерцаньем звезд далеких безразлично
Был поворот дороги озарен.
Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.
Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть.
В конце был чей-то сад, надел земельный.
Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со Мной».
Он отказался без сопротивления,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертные, как мы.

**Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.
И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца.
Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, осиленные дремой,
Валялись в придорожном ковыле.
Он разбудил их: «Вас Господь сподобил
Жить в дни Мои, вы ж разлеглись, как пласт.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников Себя предаст».**

**И лишь сказал, неведомо откуда
Толпа рабов и скопище бродяг,
Огни, мечи и впереди — Иуда
С предательским лобзаньем на устах.
Петр дал мечом отпор головорезам
И ухо одному из них отсек.
Но слышит: «Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек.
Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы Мне сюда?
И, волоска тогда на Мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.**

...Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты”

О чем роман?

Тема добровольной
неотвратимости
крестного пути как
залога бессмертия
жизни